

Под картонкой

Сэтоши Мотидзуки

Мелкий дождик превратился в ливень, а он всё шёл. Куртка промокла, стало очень холодно, и он остановился. Достал из рюкзака бутылку и сделал несколько глотков из горла. Желудок свело судорогой, появился спазм в желудке, и он вспомнил, что последний раз ел давно. Но сейчас было плевать. На душе было беспокойно, и демоны, от которых он мечтал избавиться, всё лезли и лезли через воспалённое сознание, разрушая фундамент его привычной картины мира, напоминая о том, что он совершенно запутался. Когда спазм прекратился, он направился дальше, понимая, что его походка совсем нетвёрдая.

Он сидел на скамейке в холле и еле сдерживал слёзы. Под глазом был синяк, а губа была разбита. Он не хотел драться, но мальчишкам не понравилось, что у него девчачий портфель с героями мультика "Сэйлор-Мун". Но ему нравился этот мультик. Зачем за это бить?

Из кабинета директора вышла мама, и он сглотнул. Молча направился за ней, понимая, что не сможет больше играть с ней. Она его накажет и перестанет общаться с ним.

- Присядем? - нарушила молчание Мизуки. Он молча кивнул и сел на скамейку. - Тебе очень больно?

- Не очень, - прошептал он, боясь посмотреть на нее. - Ты скажешь об этом папе?

- Нет. Мы скажем, что это тебя дверью прихлопнуло. Он, конечно, поругается, но уже не так сильно.

- Ты меня не будешь ругать? - Неуверенно спросил мальчик, глядя на маму. Она улыбнулась и рукой взъерошила его волосы. - Спасибо тебе!

Он обнял её. Он был счастлив...

Сколько было таких воспоминаний? Десятки? Или сотни? А может тысячи? Как он смог усомниться в том, что Мизуки, которая его любила, воспитывала и защищала от Шотаро, что-то не рассказывая мужу, не является его матерью? Как он мог поверить этой лживой женщине, которая ради своих целей бросила не только мужа, но и маленького ребёнка?

Он дошёл до памятника Хатико и остановился. Тело было в поту, стало жарко, и он снял куртку, под которой была белая рубашка. Все лавочки были заняты, на каких-то сидели бродяги, на других сидели парочки, и он сел рядом, увидев пару картонок. Допил алкоголь и достал из рюкзака флейту. Он не умел играть на этом музыкальном инструменте, но он вспомнил девушку, которая ему подарила эту вещь. Где она сейчас? Что с ней? Наверное, она счастлива, наверное она нашла свою жизнь и судьбу. Он хотел, чтобы у кого-то было всё хорошо. Он вздохнул и прикрыл глаза. Морфей уносил его в свои сны, но воспалённое сознание боролось. Он достал из кармана телефон и набрал номер. Той, в любви которой посмел

усомниться. Она трубку взяла не сразу.

- Сэтоши? Что-то случилось? Почему ты так поздно звонишь? - Взволнованный голос Мизуки вторгся в его сознание, и он вздохнул. Он не знал, зачем звонит. Просто услышать её голос.

- Привет, ка-сан. У меня всё хорошо. Я просто... - он понимал, что его голос звучит не очень трезво, но отступать уже было некуда. - Я люблю тебя, ма, - выдавил он из себя.

- Сэтоши? Скажи мне, что у тебя всё в порядке. Пожалуйста.

- У меня всё хорошо, я просто выпил немного, - он посмотрел на пустую бутылку. - Спасибо тебе, мама.

- Ложись спать. Давай мы поговорим завтра. Мне не нравится твой голос.

Связь оборвалась. Он с тоской посмотрел на телефон и увидел, что он разрядился. Освободилась одна лавочка, и он лёг на неё. Накрыл себя картонкой и заснул, свернувшись клубочком и прижимая к себе флейту, которую подарила ему девушка...

Маргарита Эрнандес

С момента ее появления в Токио прошло около полутора недель, а Маргарита уже успела несколько раз пожалеть, что согласилась на эту авантюру и прилетела в японскую столицу. Нет, приняли ее более чем радушно. По крайней мере человек, который ее пригласил, Ясуда Макото, проявлял истинное радушие подобрав ей хорошую квартиру в районе Сибуя и всячески выражая свою радость по поводу ее появления. Только уже очень скоро рыжая поняла, что эта самая радость вышла ей боком, поскольку для остальных коллег было очевидным, что ее появление в Японии объяснялось совсем не профессиональными навыками, из-за чего к серьезной работе ее пока так и не подпустили. А после приветственной вечеринки, закончившейся тем, что Ясуда-сан подвез ее до дома, за ней, как поняла Маргарита, и вовсе закрепились репутация европейской девочки для развлечений, выписанной из Китая ради утех местного светила антропологии.

За проведенное время Рита уже успела неплохо выучить дорогу до дома, но сегодня путь до квартиры, которая казалась ей какой-то чужой, даже несмотря на присутствие Хосе, вернувшегося на родину, растянулся на несколько часов. Сначала рыжая хотела позвонить Моррису и предложить выпить, но потом вспомнила, что во время ее последнего звонка тот жаловался на занятость, поэтому не стала его беспокоить, завалившись в один из местных баров. Как оказалось, не нужно было обладать глубоким знанием японского языка, чтобы просить налить, что покрепче и отшивать местных отмороzków, желающих завести знакомство с рыжеволосой европейкой, но это не слишком веселое времяпрепровождение скоро ей наскучило, снова выгоняя на улицу.

Решив немного прогуляться и посмотреть местные достопримечательности, Маргарита направилась к памятнику Хатико, о котором много слышала, но который

видела только мельком, и эта небольшая небольшая прогулка преподнесла ей такой сюрприз, что рыжая потом еще очень долго думала о странных шутках судьбы, явно имеющей какие-то свои непонятные ей планы. На одной из лавочек неподалеку от памятника она обнаружила тело под картонкой, на которое бы она никогда не обратила внимание, если бы не до боли знакомая флейта, торчащая из под импровизированного покрывала, чей образ сохранился в ее памяти настолько хорошо, что Рита могла бы ее узнать из тысячи других инструментов.

- Что за... - Маргарита прекрасно помнила, кому отправляла столь дорогую ей вещь, поэтому тут же перевела внимание на лицо человека, изначально принятого ей за какого-то нищего, с ужасом узнавая в нем племянника Тору. Молодой человек спал, но то, где и как он это делал, наводило на не самые хорошие размышления о его судьбе, после их чувственного расставания в аэропорту.

- Сэтоши, - Маргарита присела рядом с лавочкой на корточки и осторожно коснулась его щеки, чувствуя под пальцами холод кожи, подтверждающий, что все это ей не пригрезилось. Не понимая, что ей делать дальше, рыжая чувствовала некоторую растерянность. Но одно она знала точно - оставлять молодого человека в таком положении, она не стала бы ни за что на свете, поэтому планировала сначала его разбудить, ну а потом разбираться с последствиями своих действий.

Сэтоши Мотидзуки

Морфей уносил его воспалённое сознание всё дальше и дальше от этой реальности. Сначала снов не было, а потом начались кошмары. Жуткие демоны начали его мучить, и он вздрогнул. Покрепче прижал к себе флейту, будто это был единственный островок стабильности в этом царствии Морфея. Он вспоминал ссору с отцом, он вспоминал, как говорил, что ненавидит его. Он слышал эту фразу, произнесённую полным ненависти и отчаяния голосом, но не знал, было так на самом деле или же это была игра его воспалённого воображения. Потом в сон вторглись цветы. Большие жёлтые лилии, которые он швырнул этой женщине после спектакля. Потом была хозяйка магазина, которая смеялась над ним и говорила, что он тупой. А потом был огонь. Он пожирал всё на своём пути, не оставляя ничего.

Он резко дёрнулся и проснулся. Открыл глаза. Перед ними всё плыло, но он во тьме, которой был окружён, увидел рыжеволосую девушку, которая сидела около него на корточках. По тому, как было мокро и холодно, а ещё и жёстко, он понял, что спал на улице. Ах да, его же выгнали. Но что она здесь делает? Это наваждение? Или... что? Игра воспалённого воображения? Она не может быть здесь.

- Рита? - Удивлённо произнёс он, принимая вертикальное положение. Картонка с диким грохотом упала на плитку, а свет фонарей почему-то стал слишком ярко светить. Он зажмурился и застонал от сильной головной боли. В желудке были спазмы, и он сглотнул. Рубашка промокла от пота. Жар сменился холодом, а может дрожь была нервной. - Это... это же ты? Но... как? Что ты здесь делаешь?

Язык совсем не слушался, и то, что он подумал, в полноценные слова и предложения никак не ложилось. Он не был уверен, что девушка поймёт его мычание, да ещё и, кажется, на японском языке.

Маргарита Эрнандес

От ее прикосновения Сэтоши так резко дернулся, что Маргарита вздрогнула сама, не ожидая столь бурного пробуждения, и отняла руку, позволяя молодому человеку окончательно проснуться. Кажется, он был ошарашен ее появлением, да и вообще, выглядел не лучшим образом, всем своим видом демонстрируя, что у него настали тяжелые времена.

- Да это я, а никак не галлюцинация, - усмехнулась рыжая, поднимаясь, чтобы не смотреть на Сэтоши снизу вверх, и присаживаясь рядом с ним на лавочку. Он обращался к ней на японском, но свое имя рыжая разобрала без особых проблем, как и резонно предположила, что любителя отдыха на свежем воздухе волнует ее неожиданное появление в Японии. - Я в Токио по работе. А вот что делаешь здесь ты? В смысле на лавочке?

Маргарита слышала, что у Мотидзуки в столице был свой магазин, так что не считала появление молодого человека в столице чем-то удивительным. А вот то, что член весьма обеспеченной семьи прилег отдыхать как какой-то бродяга, укладываться в ее голове никак не хотело, даже после десятка различных предположений, ни одно из которых не казалось ей реалистичным.

Не зная, что еще спросить или сказать, поскольку эта странная встреча порядком выбила ее из колеи, Маргарита ограничилась лишь тем, что осторожно убрала со лба Сэтоши мокрую от пота прядку волос, удивляясь тому, что ощущения от прикосновений за прошедшие месяцы практически не изменились, вызывая легкий трепет и желание крепко обнять того, кто, похоже, сейчас очень нуждался в ее поддержке.

Сэтоши Мотидзуки

Сначала она села рядом с ним на лавочку, а потом и вовсе рукой нежно убрала прядь волос с его влажного лба. Он вздрогнул и задрожал, прикрывая глаза и понимая, что ещё движение, и его будет тошнить. Он попытался встать, но вялая попытка ни к чему не привела. Только к спазму в желудке и головной боли. Отголосками сознания он понимал, что выглядит не то, что ужасно, а отвратительно. Почему она приехала?

- Прости, я... мне плохо... - с трудом выдавил он из себя. - Я... меня тошнит, - он зажал рукой рот и сделал очередную попытку встать. Но не удержался на ногах и упал. Его вырвало, и он застонал от боли и чувства бессилия. Ему стало очень стыдно, что эта удивительная и красивая девушка видит его в таком ужасном состоянии. Ему было страшно, что она может плюнуть и оставить его одного. Он не хотел оставаться один. - Не уходи, пожалуйста... - тихо простонал он. - Я... мне страшно...

В какой-то момент ему хотелось всё рассказать. И про ссору с отцом, и про встречу с этой женщиной. Он предал людей, которые его любили. Он не мог простить себе это. И он боялся, что отец никогда больше не захочет его видеть, знать. Из-за своей глупости он заставил отца, который его любил, пусть и не умел это показывать, страдать. Он вспомнил его растерянный вид и болезненно поморщился.

Маргарита Эрнандес

Все происходящее больше походило на сон. Очень странный сон, с неожиданными физиологическими подробностями, заставляющими ее сердце сжиматься от жалости к человеку, который страдал по пока непонятной ей причине. И если еще полчаса назад Маргарита задавалась вопросом, зачем она вообще поперлась в Токио, когда ей прекрасно жилось в Пекине, то сейчас ответ на него для нее был очевиден - чтобы помочь Сэтоши если и не обрести душевный покой, то, хотя бы, достичь телесного комфорта. До которого, правда, было еще очень и очень далеко.

- Никуда я не денусь. - Маргарита присела рядом на корточки и, едва касаясь, чтобы не спровоцировать новых позывов, провела рукой по его спине. - На кого же я тебя такого оставляю?

Судя по всему, молодой человек так и не научился, в отличие от нее самой, уговорившей несколько стаканов виски и чувствующей себя абсолютно трезвой, ладить с алкоголем. Но, как ей казалось, это была наименьшая из имеющихся у них проблем, поскольку надо было решать что делать и куда тащить Сэтоши после того, как он сможет перемещаться. По идее, он должен был где-то остановиться, но Маргарита не была уверена, что сможет добиться от него какого-то адреса, поэтому уже начала в уме прикидывать, что будет, если она по старой доброй традиции приведет молодого человека к себе.

- Не волнуйся, мы со всем разберемся. - Посчитав, что его больше не будет тошнить, Рита медленно приподняла Сэтоши, следя за малейшими изменениями, и осторожно приобняла, прижимая его не слишком крепко, чтобы дать возможность в любой момент отодвинуться, но, при этом, позволяя почувствовать успокаивающее тепло своего тела, которое, по ее мнению, должно было настраивать на более позитивный лад, чем холод жесткой лавочки.

Сэтоши Мотидзуки

Ему сейчас уже было очень стыдно. Он никогда не думал, что сможет докатиться до такого. Ему было страшно, что в таком состоянии у него не будет будущего. Конечно, у него не будет будущего. Ведь он променял свою семью, людей, которые его любили, на эту женщину, которой никогда не был нужен. Он ошибся, глубоко ошибся, и это понимание разрывало его душу, выворачивало наизнанку.

Лёгкое и внезапное прикосновение руки девушки, которая каким-то неведомым образом оказалась в этом городе именно в тот момент, когда ему было плохо, заставило его слабо вздрогнуть и зажмуриться,. Хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю от стыда, но это было невозможно. Он бы сейчас всё отдал, чтобы эта девушка с красивыми рыжими, словно цвет закатного солнца, никогда бы не видела это его состояние.

Когда она его приподняла и обняла, он вообще почувствовал свою ничтожность и не смог сдержать слабый стон, который через мгновение перешёл во всхлип. По щекам скатились слёзы, и он сжал руки в кулаки.

- Прости, я... мне очень стыдно... это... - он пытался собрать мысли воедино и не превратиться в ревущую девчонку. - Я... меня уволили с работы и выгнали из

квартиры за неуплату. Мне негде жить... - тихо пробормотал он, вырываясь из её объятий и пытаясь встать. Но получилось не сразу, а потом он всё-таки смог сесть на лавочку и согнулся. Рукой вытер рот и снова прикрыл глаза...

Маргарита Эрнандес

Короткая история Сэтоши, обозначившая основные проблемы, вызвала у Маргариты печальный вздох. Пока все намекало на то, что племянник Тору пошел по стопам своего дяди, отказавшись от привилегий и обязанностей, связанных с фамилией Мотидзуки. Только в отличие от ее друга, молодой человек явно не был готов к столь серьезным переменам, понимание чего вызвало у рыжей острое чувство вины, поскольку она своими советами и флейтой, могла поспособствовать столь невеселому развитию событий. И, поскольку отвечать за последствия своих поступков Маргарита никогда не отказывалась, ей оставалось только смириться с тем неоспоримым фантомом, что в ее квартире должен был появиться новый жилец. Рыжая уже очень давно жила одна, поэтому с трудом представляла, что может получиться из столь странного эксперимента, но, в любом случае, она не могла оставить Сэтоши на улице. Что-то ей подсказывало, что бездомный из него получится неважный, поскольку он привык к домашней жизни и родительской заботе, которые трудно было найти где-то в районе городской лавочки.

- Да ладно, все это не страшно. – Так как Сэтоши быстро вырвался из ее объятий, Маргарита поняла, что сейчас ее присутствие хоть и является желанным, провоцирует острое чувство стыда из-за представшей перед ней не самой красивой картины, потому решилашний раз к нему не лезть. – Со мной в этой жизни тоже всякое бывало. А с твоей проблемой будем разбираться постепенно. Ты, если немного посидишь, сможешь идти сам или надо будет такси поймать?

Маргарита, следом переместившись на лавочку, порылась в сумочке и вытащила пачку бумажных платочков, которую положила рядом с Сэтоши. Ей хотелось задать сотню вопросов, но она прекрасно понимала, что сейчас следовало заняться решением актуальных проблем, первой из которых являлась транспортировка молодого человека до ее квартиры, которая хоть и находилась относительно недалеко отсюда, требовала достаточно крепких ног, способных преодолеть приличное расстояние. Что она будет делать с потрепанным телом после того, как доведет его до квартиры, Рита пока не задумывалась, надеясь, что правильное решение придет само, как только они переступят порог ее очередного временного пристанища.

Сэтоши Мотидзуки

Вся эта история казалась ему абсурдной до безобразия, и он даже не знал, как быть. Что нужно делать в такой ситуации? Принять помощь этой девушки или самому справиться с проблемами? Но пока всё показывало на то, что он не был готов к этой самостоятельной жизни, о которой в ссоре сказал отцу. Он запутался, и, вероятно, надо было попросить отца поговорить с ним. Спокойно рассказать всё, что было на его душе, сказать, что хочет попробовать пожить отдельно, не имея никаких привилегий семьи, но при этом если у него не получится, то вернуться домой. В любое время. Наверное, надо было поступить так. А он поступил как обиженная психованная истеричка. И это было огромной ошибкой, за которую отец его примет домой через три с половиной месяца, но всё равно уже никогда не будет

возможности наладить отношения и жить спокойно. Заниматься каким-нибудь делом, пусть это даже будет работа в компании, но при этом возвращаться домой, к семье, вести неспешные разговоры с мамой Мизуки, иногда спорить с отцом и обсуждать что-нибудь. Но из-за своей запутанной паутины судьбы он всего этого лишился.

Есть люди, которые легко переживают разлуку. Джун всегда был самостоятельным, иногда поздно вечером возвращался домой, иногда вообще не возвращался, оставаясь или у своей девушки или заведя с друзьями и заведя к нему домой. Сэтоши старался быть покорным и кротким. Потому что он считал, что отец выгнал мать и за непослушание может выгнать и его. Собственно, так и получилось.

Постепенно голова проходила, спазмы прекратились, и он, благодарно взяв пачку платочков, вытирал один и протёр свой рот и руки. Снова почувствовал отвращение к себе и снова готов был провалиться сквозь землю от стыда.

- Я... нет, боюсь, мне в такси может стать плохо. Давай лучше пройдемся, воздух должен мне помочь. И... спасибо тебе. Ты... очень добрая, - он совсем не это хотел сказать, поэтому, осознав сказанное, налился румянцем смущения.

Через какое-то время он осторожно поднялся со скамьи и посмотрел на свою куртку, которая упала. Поднял её и, несмотря на то, что ему было очень жарко, надел её и взял портфель. Эти действия вызвали спазмы в голове и желудке, и он сглотнул.

- Спасибо тебе. И... прости меня, пожалуйста, - тихо пробормотал он, посмотрев на неё.

Маргарита Эрнандес

Постепенно Сэтоши приходил в себя, высказав пожелание проделать путь пешком и подышать свежим воздухом, на что Маргарита ответила утвердительным кивком. Ей тоже не улыбалась перспектива ловить такси и, используя ограниченное количество японских фраз, объяснять, куда она хочет оправиться. А так ей выпадала возможность немного поразмыслить над ближайшими перспективами, ставшими для нее полнейшей неожиданностью, поскольку состояние Сэтоши явно не располагало к многословным беседам.

- Да ладно, не такая уж я и добрая. — По мнению Маргариты, ее доброта была избирательна, поскольку у нее никогда не водилось желания облагодетельствовать всех и вся. Скорее наоборот, жизни практически ста процентов населения земного шара ее совершенно не волновали. Просто Сэтоши повезло попасть в крохотный процент тех, чья судьба ее в той или иной степени заботила, заставляя совершать альтруистические поступки, в число которых теперь входило и предоставление для проживания своей территории, которую рыжая всегда оберегала о чужих посягательств.

Пока молодой человек готовился встать, Рита ухватила за свою старую флейту, удивляясь тому, что после отправки дорогого для нее музыкального инструмента совершенно спокойно жила и без него.

- Привет, старушка. Вот уж не думала тебя снова увидеть. – Она осторожно провела по флейте рукой, чувствуя под пальцами знакомые мелкие царапинки, а затем поднялась следом за Сэтоши, который все-таки нашел в себе силы отправиться в путь.

- Не надо извиняться, я все понимаю. Просто пойдем, здесь не очень далеко. Надеюсь, я не перепутаю дорогу. Пока еще только привыкаю к Токио.

Маргарита не стала сразу предлагать свою помощь, ограничившись тем, что подошла к Сэтоши практически вплотную, чтобы иметь возможность его в любой момент поддержать. Молодой человек и так чувствовал себя неуютно из-за своей зависимости, так что не стоило еще больше усугублять ситуацию. Тем более, он уже давно не был ребенком, нуждающимся в том, чтобы с ним нянчились, а она сама не планировала строить заботливую мамочку, предпочитая в данной ситуации роль женщины и друга.

Сэтоши Мотидзуки

Пока он надевал куртку, Маргарита забрала флейту, которую когда-то подарила ему. Он вспомнил ее письмо и вздохнул. Это письмо до сих пор лежало в обложке его паспорта, и он его иногда перечитывал. Наверное, это все было глупо и стоило сразу вернуть флейту по обратному адресу. Ведь он никогда раньше не играл на музыкальных инструментах. Он никогда до того выступления не пел в караоке. Почему Джуну именно тогда захотелось его вытащить в караоке? Почему он пел именно ту песню, которая ассоциировалась у него с матерью? Неужели он помнил эту колыбельную, что она ему пела в год? Или же это просто злой рок? Удары судьбы?

- Спасибо, - снова пробормотал молодой человек, стараясь сделать свою походку уверенной и хотя бы нормальной. Рита была рядом, почти близко, и он хотел прижаться к ней, всё ей рассказать, поплакаться на её жилетке, но это неправильно. Он должен быть сильным. Но пока он был слабым и ничтожным человеком...

Маргарита Эрнандес

Маргарите казалось, что Сэтоши все же немного перебарщивает с благодарностями, учитывая тот факт, что пока она для него ничего толком не сделала. Сейчас она просто вела его к себе домой, с трудом представляя, к чему может привести их сосуществование на одной территории. Тем более, на ее территории, к которой Маргарита всегда относилась с особым трепетом и старалась не допускать на нее посторонних, в число которых временами умудрялись попасть даже ее собственные родители.

Дорога до квартиры, расположенной на втором этаже нового здания, прошла в относительном молчании, но, к счастью не принесла неожиданных приключений. Сама бы она ни за что не стала снимать настолько дорогое жилье, но все было оплачено заранее конкретным человеком, что только увеличивало количество, как она надеялась, беспочвенных слухов. Но, не имея возможности отказаться, Маргарита притворилась ничего не понимающей дурочкой, поэтому без вопросов заселилась в подготовленную для нее квартиру, состоящую из совмещенной с кухней гостиной и маленькой спальни, и напрягающую дорогим новеньким ремонтом

и отличной мебелью, способной удовлетворить запросы любого, даже самого привередливого жильца.

- Мы пришли, - сообщила Маргарита, когда они оказались у двери в квартиру, закрывающуюся электронным замком. - Код 1859. Да, странный, но я тебе его напишу, чтобы не путался. Вообще, это дата выхода книги "Происхождение видов..." Дарвина.

Когда Рита меняла код ее первой мыслью было поставить дату рождения брата, но, посылая Сэтоши флейту, она для себя решила больше не цепляться за прошлое, поэтому предпочла нейтральный вариант, касающийся ее профессиональной деятельности, а не личной жизни.

- Можешь сходить в ванную, - сообщила она, когда они зашли в квартиру, указывая, где находится нужная дверь. - Хочешь есть или выпить чаю? Я постелю тебе на диване в гостиной.

В роли хозяйки, принимающей гостя, Маргарита чувствовала себя как-то непривычно. Обычно именно она оставалась у кого-нибудь с ночевкой, так что сейчас чувствовала некоторую растерянность, оказавшись в непривычной ситуации и совершенно не представляя, как должна себя вести обычная женщина, приглашающая к себе пожить молодого мужчину, с которым не состоит в отношениях, если таковые вообще имелись.

Сэтоши Мотидзуки

Путь был недолгим, но в конце пути он сильно устал. Болели ноги и заныла спина. Кажется, он еще где-то оступился и подвернул ногу. Но Рита этого либо не заметила, либо не стала вмешиваться, видя, что он сам справляется. Он был ей сильно благодарен. Потому что ему было все еще стыдно за то, что она его видела в таком состоянии. Он не понимал, что ему делать, как вести себя, чтобы не прослыть сломленным нытиком. Ему было страшно.

Наконец, они дошли до квартиры. Девушка сказала ему код, но он даже не запомнил. Точнее, даже не понял, что она ему сказала. Оказавшись в теплом и сухом помещении, он снял куртку и кроссовки, поставил рюкзак и почувствовал, как тело задрожало будто от холода. Лицо было мокрым от пота и горячим.

Он молча кивнул и направился в ванную. Посмотрел на себя в зеркало и снял с себя грязную одежду, понимая, что сильно опозорился перед девушкой. Наверное, он был жалок. Он представил, что бы сказал отец, если бы это увидел. Наверное, как всегда постебал бы. А мама бы, наверное, переживала. Она всегда за него переживала. Она любила его, она никогда не отказывала ему в играх или разговорах, она помогала ему преодолевать трудности, а он имел наглость усомниться в ее любви. А ведь она могла спокойно забыть о нем, маленьком одиноком мальчишке, когда родила своего ребенка. Но она этого не сделала. И тем более для нее были эти слова, которые он говорил отцу в его кабинете.

Вода, льющаяся из душа, не согревала, хотя по запотевшим перегородкам душевой кабины и тяжелому воздуху было видно, что градусов у воды было много. Он

обжигался, но никак не мог согреться. Поняв, что стоять долго не может, он вышел из душевой кабины и столкнулся с тем, что ему совершенно нечего надеть. Какие-то вещи, более-менее подходящие для нормальной жизни, остались в рюкзаке. А рюкзак валялся в прихожей у двери. Но на крючке висело большое махровое полотенце, и он обмотал его вокруг бедер. Краснея и смущаясь, он тихо и робко вышел из ванной. Нашел девушку в гостиной и остановился в нерешительности. Она как раз спросила про еду.

- Я... не знаю. Можно мне чаю? - тихо спросил он, понимая, что, наверное, есть ему сейчас нельзя...

Маргарита Эрнандес

Пока Сэтоши находился в ванной, Маргарита положила флейту на столик рядом с диваном, поскольку не собиралась забирать подаренное обратно, переоделась и убрала волосы в хвост, чувствуя, что ей еще придется привыкать постоянно ходить перед мужчиной в своем домашнем виде. Конечно, Сэтоши уже видел ее в полумертвом состоянии после знатной пьянки, но это был единичный уникальный случай, а здесь предстоял целый период совместной жизни, сроков окончания которого пока не знал никто.

Выбирая, что бы постелить на диван, Маргарита столкнулась с проблемой отсутствия свободной подушки нормальных размеров и второго одеяла, поэтому, складывая в стопку плед, постельное белье и маленькую подушечку, начала прикидывать сколько всего им стоило купить в ближайшие дни, чтобы сосуществование стало комфортным для всех его участников. И сбившись уже на втором десятке, рыжая со вздохом оставила эти мысли и аккуратно положила спальные принадлежности на краю дивана.

Тем временем из душа в одном полотенце на бедрах вышел Сэтоши, поблескивая не до конца вытертыми капельками воды на торсе и вызывая стойкое желание вздохнуть еще глубже и еще печальнее. Это был еще один момент, к которому ей стоило привыкнуть - необходимость время от времени напарываться на не слишком одетого мужчину, что пахивало изощренным издевательством, учитывая ее практически отсутствующую за последний год личную жизнь помноженную на наличие огненного темперамента, в случае отсутствия жесткого контроля проявляющегося и в этой сфере.

- Хорошо, чай я сейчас сделаю. - Маргарита отвернулась, стараясь не думать о совершенно неуместных сейчас вещах, и занялась приготовлением желанного напитка. Много времени это не отняло, так что две чашки с неплохим улуном на столике рядом с флейтой появились еще до того, как ее молчание могло начать кого-то напрягать. - Предлагаю попить чай и лечь спать, - она присела на край дивана, приглашая Сэтоши присоединиться. - Мне завтра рано вставать, а тебе стоит как следует отдохнуть.

Наверное, надо было проверить состояние молодого человека и, в случае необходимости, немного его подлечить, но Маргарита сейчас не чувствовала в себе сил заниматься подобными вещами, поэтому надеялась на целительное действие сна, отдыха и нормальной еды, находящейся в холодильнике, который она накануне

сподобилась в кой-то веке заполнить.

Сэтоши Мотидзуки

Когда девушка отвернулась, он быстро ушел в холл и достал из рюкзака одежду. Вернувшись в ванную, он быстро переоделся и посмотрел на себя в зеркало. Ему было очень стыдно, и он не знал, куда себя деть. И глядя на испачканную одежду он испытывал к себе отвращение. Никто из его друзей, которых в принципе не было, никогда не напивался до того состояния, в котором был он. Никто не ночевал на лавочке, и никого не тошнило на себя. И от этого он боялся показываться лишней раз на глаза девушке, которая по каким-то необъяснимым причинам приехала в Токио. Чтобы помочь ему? Чтобы спасти его? Помочь избавиться от этих призраков? Но хочет ли он избавляться от них?

Повесив полотенце на крючок, он снова вышел из ванной комнаты, также краснея от смущения, подошел к девушке и сел на диван. Взял в руки чашку чая и опустил голову.

- Прости, что я... вот так свалился на твою голову. И... спасибо тебе за приют. Я... мне очень стыдно, я еще никогда не был в такой ситуации, - говорить было тяжело. Он отпил немного чая и сглотнул. - Да... наверное... я хочу спать... - Произнес он, все еще смущаясь и краснея.

Маргарита Эрнандес

Сэтоши снова начал извиняться и ее благодарить, на что Маргарита решила не отвечать, полагая, что все ее убеждения не помогут молодому человеку справиться с чувством стыда и угрызениями совести, которые очень легко считывались на его эмоционально выразительном лице. Поэтому, допив свой чай, Рита убрала чашку и отправилась в ванную, чтобы умыться перед сном, который сейчас казался ей самым правильным продолжением затянувшегося вечера.

Вернувшись в гостиную, она помогла Сэтоши разобраться с постельными принадлежностями и подготовить диван к тому, чтобы на нем можно было спать и, пожелав молодому человеку хороших снов, отправилась в свою маленькую комнатку. Чувствовала она себя при этом очень и очень странно, понимая, что в нескольких метрах от нее в ее же квартире находится посторонний человек. Конечно, ей не раз приходилось ночевать с мужчиной под одной крышей, но это всегда была их территория, поскольку к себе она никого не приглашала, а съехаться с кем-нибудь больше чем на пару дней, так и не решилась. Поэтому все происходящее было для нее чем-то настолько нереалистичным, что Маргарита предпочла пока об этом не думать, а просто завалиться на кровать и практически сразу погрузиться в мир снов, которые, на счастье, не пытались еще сильнее разбередить ее душу.
